

Сибирская Жизнь

Въ воскресенье, 26-го февраля 1906 года.

„Черсотехецъ“

(Съ натуры).

Надъ дверью стационной комнаты, смежной съ грязнымъ до-нельзя помпезнѣйшимъ буфета, виднѣется надпись: „залъ I и II класса“.

Залъ этотъ скорѣе можно было назвать заломъ разочарованій, потому что всѣ пассажиры, вмѣняющіе несчастіе воити туда и надѣющіеся найти убѣжище отъ холода и грязи, жестоко разочаровывались. Залъ первыхъ двухъ классовъ ничѣмъ почти не отличался отъ зала послѣдняго класса, гдѣ покуривали свои трубки и „шгарки“, безпрестанно сплевывая на полъ, куческіе куцера, крестьяне и ремонтные рабочіе, оживляющіе поѣзда. На вопросъ о времени, когда придетъ этотъ вѣчно опадывающій поѣздъ, сонный и апатичный сторожъ, невѣжливо отвѣчаетъ:

— Кто его знаетъ? Приходитъ онъ рано: когда днесь, когда ночью... Какъ угадать? Начальство, пои, знаетъ...

Каждый дель, въ ожиданіи поѣзда, въ этомъ, насквозь пропитанномъ табачнымъ дымомъ, вонючъ самоваровъ и гаряго залъ, у буфета, уставленнаго тарелками, съ кусками ясыной колбасы, — размыргивается одна и та же сцена. Ставнившій жандармъ, съ усамъ, похонинами на бычьихъ рогахъ, угаживающійся въ буфетчикъ, а, полной и скудистой особой, владеющей поѣздъ мужа капиталецъ, — посылается передъ „вѣстойкой“ и, закручивая усы, проситъ „пару пана“. Распавшая тѣло, онъ даетъ своимъ чувствамъ и вополоса объясняется болдой вдовѣ въ любви.

— Что это вы, Мавра Кузьмовна, будто не веселы сегодня?

— Какіе вы любопытные, право! — отвѣчаетъ вдова, кое-что хиткая, — я такая, какъ всегда.

— Нѣтъ, вы, будто, задумчивы сегодня. Я, знаете, Мавра Кузьмовна, желалъ бы съ вами поразвлечься, погулять, потсму что я объ васъ скорбѣю.

— Полно вамъ събится!.. Надъ нашей сестрой любятъ подшучивать господа калалеры.

— Я, Мавра Кузьмовна, не смѣю! Право же я объ васъ весьма даже скорбѣю. Я объ васъ помнюо серьезно...

Тутъ всматривается краснорѣчивъ скорбящаго жандарма. Онъ допаваетъ впно, поправляетъ амуницію и ретируется за дверь. Мавра Кузьмовна воображаетъ на своемъ лицѣ смущеніе, но не настолько большое, чтобы онъ оживилъ надежды взымающаго по ей капиталу жандарма.

Холодная струя вѣтра пробѣгаетъ по комнатѣ, когда кто нибудъ открываетъ входную дверь, и осѣкаютъ душную, насыщенную табачнымъ дымомъ и скуной атмосферой зала третьяго класса.

Въ залѣ I и II класса температура немного выше пяти градусовъ, потому что большое „венецанское“ окно снабжено одной только рамой, стекла которой затнаты обильнѣйшими замесловатыми узорами, напоминающими позолотенный дѣсь въ мнатионѣрѣ. Вѣтеръ съ протяжнымъ свистомъ врывается въ комнату сквозъ шели рамы, какъ сквозъ рѣшету и пытается разерзнуть „нигу жалобъ“, покусываясь на контрокъ рядомъ съ ономъ и какъ бы обрашующуся къ публикѣ съ вѣной мольбой сѣлаться въ нея то употребленію, ради котораго она лежитъ здѣсь столько лѣтъ. Печна, у двери, расстрекалась по всѣмъ направлениамъ; край многогослеленныхъ трещинахъ, лишенныхъ штукатуры черноты, какъ изображенія стѣи желѣзныхъ дорогъ на огромной рацѣ. Меблѣровка зала состоитъ изъ стола, ваяртваго скатертью, умяльничка, сдѣланнаго подъ мраморъ, вѣнскаго дивана и одного стула.

За столомъ, гдѣ между двухъ искусственнѣйшихъ пальмъ казеннаго образца, угверженнаго для украшенія буфетной, красуется бутылка рябиновки и „московская“ колбаса, завернутая въ цинковую бумагу, — сидятъ два господина, очень похоникъ одинъ на другою по выраженію лицъ. Одинъ изъ нихъ, — толстый, съ русыми ус-

ми, мясатымъ носомъ, низкими лбомъ и румяными щеками, одѣтый въ кожаную куртку, длинные сапога и мѣховую шнжиковую шапку, похожую на маску, сидитъ на вѣнскомъ диванѣ, а другою — блѣлоросый, худощавый, безъ шапки, въ поджачномъ темно-зеленомъ костюмѣ, въ высокіхъ резиновыхъ галошахъ, — сидитъ на единственномъ стулѣ. На лицѣ обоихъ написаны довольно собою и та самоуверенность, которую даютъ ограниченнымъ людямъ удача въ дѣлахъ и успѣхи въ жизни. Они оживленно разговариваютъ. Молодой человекъ, въ черной овчинной шубѣ, съ усталымъ лицомъ и какимъ то робкимъ выраженіемъ глазъ, — расположившись на полу, возлѣ печки, на своемъ чемодаи и слушаетъ этотъ разговоръ.

— О, въ этомъ году распродажа будетъ много! — сказалъ, продолжая начатый разговоръ, толстый собесѣдникъ. — Я расцѣлываю, что не мѣнѣе, чѣмъ на 4 1/2 тысяча рублей... Вотъ только бы мнѣ достать раму!.

— Такъ вынсите ее изъ Москвы.

— Вынсить не трудно, а какъ получить ее? Частные грузы не принимаютъ теперь, а багажомъ обслѣдана невозможно дорого. Если бы можно было достать гдѣ нибудъ по близости раму, то я привезъ бы частимъ такъ, по знакомству... Но гдѣ ее взять?.

— Въ Караминѣ будетъ продаваться съ аукциона льсопильный заводъ. Тамъ, кажется, есть рама. Но заводъ, кажется, дѣйствовалъ электричствомъ...

— Приспособленія къ электрической работѣ совсѣмъ не годятся для паровой работы... Тамъ — все другое. А, впрочемъ, подумаю. Здѣсь работы — вепотный уголь.

— Да, это вѣрно. Когда я началъ строить паровую мельницу, всѣ мнѣ предсказывали разореніе. А дѣло у меня пошло на трескъ. Заданія меня помолотъ мужики: до трехъ тысячъ пудовъ въ день мелемъ!

Входитъ паренъ, всѣ бѣгутъ отъ муки и поаетъ худощавому собесѣднику холещамъ мѣшечекъ съ чѣмъ то тажекимъ.

— Вотъ, г-нъ начальникъ, Петръ Васильевичъ вамъ посылаетъ... Если годится, пусть, говорятъ, возьмутъ.

Тотъ, кого звали начальникомъ, взял мѣшечекъ и сталъ вынимать оттуда какіе то металлическіе кружки.

— Что мнѣ сказать машинисту? — спросилъ мальчикъ въ мукѣ.

— Скажи, что о поставѣ я полагаю и что сегодня я уже на мельницѣ не буду.

Входитъ человѣкъ въ желѣзнодорожной формѣ.

— Г-нъ начальникъ! привезла муку отъ Андрея, а вагоновъ свободныхъ нѣтъ. Что дѣлать съ ней?

— Принять ее на складъ. Выгрузить въ счетъ Андрея!

— Слушаю.

Вотъ N прекрасно бы вамъ оборудовать мельницу — продолжать собесѣдникъ, сидѣвшій на диванѣ. — Это, знаете, очень важно, при ликвидированіи дѣла.

— Я хочу развывать дѣло, а не ликвидировать.

— А я убѣренъ, что вамъ придется ликвидировать дѣло. У васъ много помолла по обремененнымъ обстоятельствамъ: теперь война, усиленная поставка прованта и прочее. А когда все пойдетъ въ колею, помолъ упадетъ. Вы еще не знаете сибирскаго крестьянина! Нужн ему смолотъ два, три мѣшка зерна, — онъ запргаетъ лошадей и дѣлетъ къ мельнику куку. Куку ставитъ

ему бутылку водки и угощаетъ его; за это онъ отстаетъ себѣ муки съ каждаго кули по усмотрѣнію. И мужикъ хорошо знаетъ, что куку вѣлетъ съ него за водку что слѣдовало, но все таки дѣлетъ къ куку: ему хочется выпить такъ, чтобы ему казалось, что онъ пьетъ даромъ... О, я знаю этихъ челдованъ!..

Молодой человекъ, сидѣвшій на полу, на своемъ чемодаи, томился ожиданіемъ поѣзда. Изъ разговора собесѣдниковъ, сидѣвшихъ у стола, онъ понялъ, что эти послѣдніе принадлежатъ къ „славной стаи“ подрядчиковъ желѣзной дороги, великаго долга, такъ самословно дорого стоющей и выстроенной по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства. Догадавшись вакѣмъ, что одинъ изъ нихъ никто иной, какъ начальникъ этой, типичной по не благоустройству, станціи, онъ и удивился, и обрадовался этому открытію. Удавался онъ страннымъ совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ заводчика и желѣзнодорожнаго служащаго; обрадовался тому, что ему представилась возможность узнать о времени прихода поѣзда не отъ апатичнаго сторожа, а отъ самого начальника.

— Могутъ ли узнать — спросилъ онъ вѣжливо у худощаво го субъекта, сдѣланнаго на единственномъ стулѣ, — скоро ли прибудетъ поѣздъ номеръ третій?

Субъектъ сибирякъ, вопрошающаго взглядомъ и отвѣталъ, нехоти, сквозъ зубы:

— Онъ идетъ съ опозданіемъ. Часа черезъ два будетъ.

Прозвнесъ эта слова, онъ отвернулся, точно отвѣчать на такіе вопросы, было несовсѣмъ съ его достоинствомъ.

— Изумился я — продолжалъ молодой человекъ, какъ бы извиняясь за то, что протрвожилъ вопросу такую важную особу, — когда вѣчалъ вчера: въ N не было извѣстностию, когда придетъ поѣздъ. Вчера спрашиваю билетъ: I или II класса, — билетъ нѣтъ, въ третью — биткомъ набито. Наконецъ-то поспать въ офицерское купе; кое-какъ добѣлалъ.

— Вотъ и я боюсь, что не будетъ билетовъ — сказала вошедшая не задолго передъ этимъ покидая дама въ мѣховую шапочку и сбромъ болышомъ платкѣ сверху шубы.

Она осмотрѣлась кругомъ и, видя, что сѣсть не на что, оперлась о стѣну.

— Извините. Я и не замѣтила, что здѣсь — дама! — сказала начальниці станціи и повинуясь дамѣ единственному стулу.

Обшій разговоръ началъ завязываться.

— Сколько этихъ сферьеръ теперь дѣлетъ! — продолжала дама — сильнѣе она этимъ стѣнцаетъ публику: дѣлетъ вмѣсто вонскихъ съ пассажирскими поѣздами. Мы платимъ деньги, а приходится вѣзать, стол.

— Да, въ томъ купѣ въ которомъ я вѣчалъ и куда меня пустили только „изъ милости“, — были все сферьеры, отставшіе отъ вшылованъ. Всю ночь они играли и азартныя игры... Нѣкоторые проигривали до нитки! Прियाзнаемъ, мнѣ какъ то стыдно было за нихъ. Я невольно припоминалъ газетныя сообщенія объ сферьерѣ нашего протягиванія, людяхъ совсѣмъ иного зачала... Мои слушанія были ужъ слишкомъ веселы...

Толстый собесѣдникъ, сидѣвшій на диванѣ посмотрѣвъ пристально на говорившаго. — А что же мнѣ, плакать прикажете? — Зачѣмъ? Но мои слушанія оказались мнѣ людьми пустыми... И, вообще... Мнѣ

кажется, что сферьеръ, бросающій свой вшылованъ для картенной игры, — не совсѣмъ исполняетъ дисциплину.

— Бросаетъ вшылованъ! Такъ что-же? Онъ явится въ свое время! Какая у насъ это мода ругать все свое? Вы говорите про газетныя статьи. А кто же ихъ пишетъ, позвольте спросить? Все недочуны, которымъ завидно, что другою вѣтъ то, чего у нихъ нѣтъ... Всѣ эти корреспонденты, вѣе это — завистники и лицеи! Всѣхъ стараются обмануть... Имъ завидно, видите-ли, что не они всѣмъ орудууютъ, а другіе... Каждому такому гусю хочется быть чѣмъ нибудъ... Почему вшылованъ, не онъ губернаторъ, а другіе?.

— Вы думаете? А я вахожу, что эти корреспонденты, къ которымъ вы такъ презрительно относитесь, стараются служить обществу, уязвимая на наши недостатки. Какъ мы можемъ лечить болѣзнь, не изучивъ ее? Если мы не будемъ знать нашихъ недостатковъ, то никогда и не избавимся отъ нихъ... Вотъ, напримеръ, я читалъ, что въ одномъ городѣ подрядчикъ, взявъ у насъ поставку катанокъ для арміи по 4 р. 50 к. за пару, самъ заказалъ ихъ по 1 р. 75 к. за пару. Появнто, катанка вышла такіе, что и расплачивались въ три дня. Въ газетѣ приведена и фамилія подрядчика... Толстый собесѣдникъ пологривалъ.

— Это все неправда! Никакихъ злоупотребленій теперь нѣтъ: войска одѣты, обуви и накармлены прекрасно. А газеты только смущаютъ народъ. Если бы я имѣлъ власть, то закрылъ бы всѣ газеты...

Молодой человекъ весело засмѣялся. Этотъ смѣхъ озлобилъ толстаго оппонента. Начальникъ станціи ушелъ, подъ предлогомъ сдѣлать распоряженія въ телеграфѣ.

Его мѣсто занялъ пассажиръ-старикъ, повидному купецъ, съ седой, въ золотыя очки. Онъ съ интересомъ слушалъ разговоръ.

— Да, закрылъ бы всѣ газеты, всѣ университеты, всѣ гимназіи! — продолжалъ толстякъ. — Учались въ корреспондентовъ я поролъ бы, вотъ здѣсь бы, въ пассажирскомъ залѣ... Съѣлъ бы всѣхъ! На смерть заслалъ бы!.. Не надо намъ образованія, не надо грамотности!.. Отъ образованія — одинъ только развратъ. Что эти образованные люди дѣлаютъ? Ругаютъ кулаковъ, а сами хуже кулаковъ становятся, когда поступаютъ на службу — докторъ требуетъ обязательнаго глораря впередъ, адвокатъ требуетъ за совѣтъ, за одно слово, два рубля!.

— Ну не найдитъ адвокатъ за два рубля сговѣтывать вамъ станеть! — презрала его рѣчь дама.

— Я къ приѣзду говорю. По теперешнимъ временамъ нужна строгость! Надо пороть, бить и вѣшать! Вотъ, въ N — сѣкъ это сдѣлалъ!.

Онъ засмѣялся жирнымъ довольнымъ смѣхомъ, похоникъ на вочраіе благолю...

... Въ театрѣ они кричали и глѣи запрещеннаго пѣсня. Ихъ забрали и давай пороть!.. Сорокъ человѣкъ на смерть заперло! Вотъ это я понимаю! Вотъ это слово! Только срока человѣкъ мало... Нурикъ разга и всмѣшались...

Толстый свѣрбно вочорачъ глазами, сжималъ кулаки и вообще вошелъ въ азартъ. Какой-то человекъ подошелъ къ столу и сказалъ ему, что его зовутъ на пріемку доиска. Но толстякъ не обратилъ на него вниманія. Онъ не хотѣлъ уходить, не высказавъ всего, что у него лежало на душѣ.

— Вы не такъ понимаете суть вещей, молодой человекъ! Было время, я самъ увлекался разными такъ идеями, а теперь... Я знаю жизнь! У насъ теперь отъ этихъ гачетничковъ прямо дышать нельзя! На мѣстѣ правительствъ, я вшывалъ бы ихъ! Перевѣшилъ бы всѣхъ этихъ студентовъ, корреспондентовъ, всѣхъ недочуныхъ... Десять убей одного учинч! Сто сорокъ миліоновъ народа въ Россіи! — я миліоны превѣшилъ бы и этихъ смѣхъ бы остальныхъ отъ этой заразы!

— Договорились до темнѣ страшныхъ вещей, толстый господинъ, не допнѣ ряби-

Новый президентъ Французской республики Фагеръ.

